

**СЕРГЕЙ
ВЕНЕДОВ**

УЛИКИ ПРОТИВ УЛИК

Культурный детектив

Сергей Венедов

Улики против улик

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Венедов С. И.

Улики против улик / С. И. Венедов — «У Никитских ворот»,
2020 — (Культурный детектив)

ISBN 978-5-00095-994-7

Когда к следователю Бурову обращается студентка юрфака с просьбой возобновить дело Рубцова, её отчима, он соглашается неохотно: слишком всё очевидно. Пять лет назад в загородном пансионате скоропостижно скончался главный ревизор фирмы «Донатор» Игорь Матвеевич Ларичев. Некоторые обстоятельства позволяли предполагать, что речь шла об убийстве. Главный подозреваемый бухгалтер Рубцов умирает буквально перед самым своим арестом – повесился в душевой пансионата. Все улики были налицо, и дело быстро закрыли. Однако в процессе нового расследования всплывают новые улики, и следователю Бурову вместе с юной помощницей предстоит выяснить, какие доказательства – подлинные, имело ли место убийство и кто настоящий преступник.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00095-994-7

© Венедов С. И., 2020
© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Часть первая	6
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сергей Венедов

Улики против улик

© Венедов С.И., 2020

© Издательство «У Никитских ворот», серия, 2020

Часть первая

В каждой избушке свои погремушки

Если работа следователя заключается прежде всего в том, чтобы много думать, то Геннадий Буров как раз находился в разгаре трудовых усилий. Сидя за служебным столом в позе прилежного ученика, оба локтя перед собой, он невидящим взглядом упирался в уродливые ржавые железяки за окном, – наследство, надо надеяться, временное, механического цеха, располагавшегося ещё недавно во дворе нового офиса районного следственного отдела.

Размышления его были прерваны стуком в дверь, через которую, не дожидаясь ответа, в пока ещё пустоватый кабинет проникла внешне миловидная, но суровая лицом девушка.

– Мне бы Бурова, – тихо произнесла она, пристально глядя на единственного хозяина кабинета, уже оторвавшего взгляд от окна и разворачивающегося в сторону двери.

– Он самый, госпожа Вохмина, чем могу... присаживайтесь, – сразу откликнулся из-за пустого стола молодой, неатлетического сложения мужчина, галантно выходя навстречу посетительнице.

На суровом лице девушки отразилось удивление.

– Как? Вы меня знаете?!

– Видите ли... мой долг – знать всех... и всё, что связано с тем или иным делом... Я видел вас несколько раз... издалика... Валерия... Вы – дочь Павла Сергеевича Рубцова, приёмная дочь...

В глазах у девушки вспыхнул сердитый огонёк.

– В таком случае вам, наверное, доложили, что я ненормальная, взбалмошная особа и «любительница ворошить старые могилы».

– Нет, об этом, представьте, мне не сообщали, – понизил голос Буров, показывая на стул.

Девушка присела, помолчала для виду и сразу же перешла в наступление:

– Мой отец невиновен!

Она, видимо, рассчитывала произнести эту фразу бесстрастно, как юридическое заключение, но ей не удалось скрыть дрожь в голосе. На Бурова смотрели серые глаза, полные отчаяния в ожидании хоть какого-нибудь знака одобрения, чтобы продолжить.

Он не стал отводить взгляд.

– Мой отец невиновен, – повторила девушка уже решительнее. – Однако его обвиняют в хищении и убийстве. Вы удивитесь, конечно, определению «обвиняют», когда его уже... нет на свете. Но я нарочно употребляю настоящее время, потому что подозрение продолжает висеть над ним и сегодня. А я не могу допустить, чтобы оскорбляли его память...

Девушка не говорила, а стреляла словами, глядя Бурову прямо в глаза и с тревогой пытаясь уловить реакцию буровских зрачков. Похоже, она давно готовилась к этому разговору и сегодня явилась к зав. аналитическим отделом в двойном качестве: как приёмная дочь обвиняемого и как будущий юрист. Семейная драма, закончившаяся смертью её отчима пять лет назад, и неодолимое желание разобраться в путаном деле привели Леру Вохмину-Рубцову на юрфак. И всё это время в голове занозой сидела мысль о той минуте, когда она сможет взять в руки запылённую папку с делом того, кого она звала отцом, чтобы наверняка обнаружить в нём массу ошибок и натяжек. Неточностей и нелепостей. А может, и подтасовок.

Поэтому сегодня перед Буровым сидело не частное лицо, а законный стажёр следственного архива. И в том, что милая девушка явилась без предварительной записи, свалилась как снег на голову, виноват был в конечном счёте непосредственный шеф Бурова из центрального управления полковник Назарук, старый друг семьи Рубцовых, который просто-напросто забыл накануне отзвонить подчинённому и предупредить о согласованной «наверху» стажировке.

Все эти подробности Буров выяснил уже в первые десять минут беседы с Валерией Вохминой. «Блатнички, позвоночнички, всё по-старому», – недовольно подумал он, но девушке изобразил невнятную улыбку, разглядывая по-мужски её стройные ноги. «Архивариус чёртов, сухарь», – думала в этот момент девушка. Но тоже отметила, что у сидевшего перед ней чиновника, воплощавшего сегодня все её надежды, было открытое лицо не нахального и даже не самоуверенного человека и смешная манера то и дело сдвигать очки на кончик носа плавным движением.

– Вы меня понимаете? – спросила она, понизив голос. – Даже если мой отец покончил с собой... Я хочу... Я должна... То есть вы должны мне помочь...

– Я прекрасно вас понимаю: хотя Рубцов был вам приёмным отцом, но, судя по всему, был вам особенно дорог.

Бурову показалось, что он нашёл нужный тон разговора и нужную формулу, рассчитывая снять осаду устремлённых на него глаз.

Девушка на секунду замешкалась и ответила, глядя куда-то в сторону, как бы между прочим:

– Биологического отца я не помню, Рубцов был мне больше, чем отец, любил, вырастил меня, и вообще... я думаю, что он вовсе не покончил с собой... как некоторые считают, а что его убил... настоящий виновный... Вы понимаете?

Бурова так и подмывало опять ответить «конечно, понимаю», он с тоской вспомнил об уговоре с подругой Варей отвезти её сегодня на дачу к родителям, погрустнел, но, встретившись с благородно-тревожным взглядом девушки, ёрничать не стал.

– Вы знаете кого-то, кто не поддерживает версию убийства... то есть ваше утверждение... то есть предположение?

– Знаю, – девушка снова повысила тон, – этот кто-то – распространённое общественное мнение. Насколько мне известно, теперь следственные органы принимают это в расчёт. Я не права?

– Абсолютно правы, – едва заметно Буров передразнил готовность собеседницы к спору. – Вот нам Госдума и дала поручение пересмотреть некоторые старые дела.

* * *

Он прекрасно помнил дело Рубцова. Пять лет назад в загородном пансионате скоропостижно скончался главный ревизор фирмы «Донатор» Игорь Матвеевич Ларичев. Некоторые обстоятельства, связанные с его смертью, позволяли предполагать, что речь шла об убийстве. И когда, после сложных поисков, казалось, личность убийцы была установлена, бухгалтер Рубцов умирает буквально перед самым своим арестом – повесился в душевой пансионата. Все улики были налицо, и дело быстро закрыли. Приёмная дочь подозреваемого, считая своего отчима невиновным, несколько раз подавала апелляцию на пересмотр дела, но ей отказывали.

– Меня направил к вам полковник Назарук... Сказал, что вы как раз копаетесь в старых делах, заключения по которым могут вызывать сомнения.

– Что да, то да. – Буров досадливо кашлянул, вспомнив об этом своём дурацком, как он считал, поручении. «Дело особой политической важности, – втолковывал ему полковник Назарук, навешивая своему любимчику нудную обязанность, – поступил запрос депутатов, требуют действий по делам после 92-го года на предмет липы, не иначе каких-то дружков рассчитывают отмыть. Всё ясно?»

Конечно, Бурову было всё ясно, но утешением это не служило, и радости особой это задание у него не вызвало. Ему стукнуло 34, а пригласили его в розыск, когда он ещё был студентом юрфака. Приглашали и в ФСБ, но он выбрал уголовку – романтик хренов. Его диплом «Разработка и проверка версий тяжких преступлений» привлёк внимание, и новоиспечённому

выпускнику сразу же предложили работу в аналитическом отделе Главного управления. С тех пор вот уже семь лет его редко посылали на место преступления, использовали в основном мозги, вроде как у его книжной коллеги Каменской, и, надо сказать, Буров ещё ни разу не подвёл, всякий раз находил неожиданные ходы и решения. Он ещё мальчиком легко разбирал популярные тогда металлические головоломки и зачитывался детективами – Агата Кристи, Сименон. Дела, которыми ему предстояло теперь заниматься, были сложены кипами в железном шкафу и успели изрядно пропылиться, несмотря на героические усилия честной и старательной уборщицы Зины.

– Вот они, полюбуйте: закрытые дела давно минувших дней, – кивнул он девушке, – но инстанции, пресса, родственники, друзья осаждают заявлениями, жалобами, манают, просят пересмотреть, разобраться, сообщают «новые» данные, уверяют в невинности своих знакомых и близких. Как вам это? Вдохновляет?

Серые глаза девушки просияли и, казалось, поглубели.

– Значит, мы будем работать вместе?

– А что с вами делать, если сам Назарук вас прислал... впрочем, такой объём вдвоём легче осилить... «В конце концов, – подумал Буров, – в чём вопрос? Задание занудное, девушка симпатичная, начальство поручило...» – и он опять украдкой пробежал глазами по стройной, а скорее даже хрупкой фигуре посетительницы.

– Я на последнем курсе юрфака и пришла как будущий специалист. Пусть это дело будет моей дипломной работой.

– Твёрдо верите в невинность отчима?

– Верю, и не только как дочь, но и как юрист...

Буров посмотрел на неё в упор и мягко улыбнулся:

– И основываетесь вы, конечно, исключительно на интуиции, на вашем личном впечатлении... Так сказать, предчувствии...

– Не только, стараюсь быть беспристрастной и рассуждать прежде всего как специалист.

– Вам известны подробности дела?

– Да, в общих чертах... Один знакомый адвокат изучал его.

– Ну и?..

– И остановился на полпути, сошёл с дистанции. К сожалению, он тоже считает, что мой отец – я привыкла называть Рубцова отцом – виновен и что именно поэтому покончил с собой.

– Ну а вы что думаете? Как... специалист?

– Действительно, все обстоятельства, изложенные в деле, говорят не в пользу Рубцова. Но расследование провели небрежно и не довели до конца. По крайней мере, я так считаю. Остались вопросы, причём отнюдь не праздные.

Буров встал, подошёл к шкафу и, порывшись в кипе, вытащил папку с надписью «Дело 558». Украдкой смахнул пыль с обложки и повернулся:

– Ладно, я так понимаю, вы мне просто передаёте распоряжение начальства. Хорошо, я займусь этим делом.

– Мы займёмся... – В твёрдом голосе девушки прозвучал не столько вопрос, сколько утверждение.

«С виду скромная, тихая, но напор...» – подумал Буров и почему-то с облегчением вздохнул:

– Чтобы иметь доступ к документам, вам надо сначала оформить постоянный пропуск в контору, небось по одноразовому пришли, потом оформить допуск в установленном порядке, извольте запастись на этот счёт бумагой из института, одного имени Назарука тут недостаточно. Ну и выходите на работу, товарищ специалист, – уже без всякой иронии улыбнулся он одной из своих естественных, из серии «неотразимых» улыбок. Девушка ему определённо понравилась.

На следующий день, туманным ноябрьским утром, в толпе, выброшенной из чрева станции метро «Краснопресненская», никто не обратил внимания на худенькую девушку с блаженной улыбкой на лице. Никому и дела не было до того, что противная ноябрьская слякоть не вызывала у неё прежнего уныния.

– С чего начнём? – приветливо встретил её Буров, ставя чайник и всем своим видом показывая, что вчерашняя посетительница находится здесь по полному праву. Он кивнул на длинный стол вдоль стены, справа от окна: – Расчистите себе рабочее место, кресло найдём, лампа есть, канцтовары спросите в канцелярии, женщины там нормальные, не озабоченные...

Было видно, что девушка сдерживает волнение, похоже, она долго ждала этой минуты.

– В нашем деле главное – не начать, а углубить и закончить хорошо. – Буров пытался двусмысленно, как всегда, шутить, чтобы снять возникшее напряжение. – Вот сейчас чайку попьём, покалякаем, покумекаем... Валерия Павловна, можно я буду звать просто Лера? Ну а я Геннадий или Геннадий Васильевич, как вам удобнее... Можно даже Гена, если получится.

– Думаю, что Лера и Геннадий будет нормально, – без особого смущения сказала девушка, принимая из рук Бунова пластиковую кружку с чаем.

На чём и порешили.

– Где всё произошло? – спросил Буров, отхлёбывая горячий зелёный чай.

Он признавал только зелёный, заваривал крепко, до потемнения, и пил с одним кусочком сахара. Хотя надо бы без. Вот только фаянсовые кружки всё забывал принести из дома, не было повода.

Лера вздохнула, как бы собираясь с силами, и, помедлив, произнесла:

– В лесу... в пансионате Главка, где работал отец, на 54-м километре по Минке, называется «Опушка».

– Когда?

– В одно воскресное утро, пять лет тому назад...

* * *

В тот день сестру-хозяйку Маргариту Зуеву нехотели разбудил ранний телефонный звонок. Административный домик стоял действительно на опушке, спиной к лесу, лицом к кривой дорожке, кончавшейся через два километра платформой электрички. Ногой от буквы Т, через холл со стеклянным потолком, к адмблоку примыкал основной корпус, включавший в себя все атрибуты современного «цивилизованного» отдыха: баньку-сауну с небольшим бассейном, спортзал со снарядами для толстых животов, «трапезную», то есть место для набивания тех же самых животов обильной едой и напитками, терраску под навесом с грилем для шашлыков и восемь люксовых номеров, предназначавшихся исключительно для наезжавшего, налетавшего, набегавшего внезапно начальства или для других важных и дорогих во всех смыслах персон. Остальные смертные селились либо в собственных благоприобретённых домиках дачного типа, либо в заблаговременно снятых коттеджах этого пансионата, когда-то принадлежавшего Главку, а ныне выкупленного в собственность фирмой «Донатор». Крытая красной металлочерепицей крыша корпуса выглядела кровавым пятном и почти терялась в густой зелёной листве старых лип, которыми когда-то, в лучшие, дореволюционные времена была обсажена опушка, выстриженная посреди красивого смешанного лесного массива между Звенигородом и Рузой.

Длинный звонок странно и даже зловеще прозвучал в полумраке утра. Звук прокатился по пустому дому, заполняя все уголки. Ворча спросонья, Маргарита Зуева, сестра-хозяйка, спустилась в прихожую в ночной рубаше, сняла трубку, зевнула и недовольно выдохнула: «Да?!»

Голос на другом конце звучал невнятно, хрипло, а может, причиной тому были помехи на допотопной телефонной линии. Голос был низкий, трудно было даже разобрать, мужчина говорил или женщина.

– Говорите громче! – недовольно прокричала в трубку сердитая сестра-хозяйка. – Громче! Зла на вас нет...

– Мне нужен Ларичев, Игорь Матвеевич, – наконец услышала она.

– В эдакую рань ему лично по мобильнику надо звонить, – не удержалась от комментариев вредная Зуева, – нашли время ля-ля разводить по телефону...

– У меня срочное и важное дело, – отчётливо произнёс голос.

– А кто спрашивает? – строго поинтересовалась Зуева.

Из трубки в ответ донеслось какое-то бульканье, шуршанье, потом голос настойчиво повторил:

– Прошу вас, очень срочно...

Сестра-хозяйка помешкала, здравомыслие взяло верх, и сказала:

– Не вешайте трубку, это в другом конце здания.

Она потянулась, чтобы размяться, спрашивая себя, кому это в половине шестого понадобился невзрачный, немолодой ревизор, которого она никогда не видела на отдыхе в обществе разбитых девиц, как, например, в случае с другими ответственными сотрудниками, не будем называть вслух их имён, да и простит их, грешных, Господь. Кряхтя, она прошлёпала по винтовой лестнице на второй этаж, прошла вглубь коридора и постучалась в комнату, где со вчерашнего дня должен был находиться Ларичев, во всяком случае, она его туда заселяла. Не получив ответа, постучала настойчивее, потом снова, ещё сильнее. От отсутствия результата вновь вспыхнуло раздражение российского обслуживающего персонала – ходи тут, мол, зови спозаранку, а сами, баре, не отвечают, глаза залил, небось, в одиночку и дрыхнет без задних ног. Тишина в заселённой комнате всё же смущала. Непорядок, мало ли кто звонит, а вдруг ещё поважней персона.

Ревизор регулярно навещался в пансионат, и Зуева знала, что спит тот чутко, как все пожилые, встаёт рано и потом, до завтрака, делает на балконе чудную зарядку – вдыхает и выдыхает громко воздух, водит руками и ногами, принимает дурацкие позы. Нет бы просто бегал, как все.

Вспомнив всё это, она решительно нажала бронзовую ручку двери и обнаружила, что дверь не заперта. Выждав секунду, негромко позвала: «Господин Ларичев!» – но поскольку ответом было молчание, решила войти.

Мужчина лежал в постели и вроде бы спал. Зуева наклонилась над ним и не услышала дыхания спящего. Она отпрянула, ей стало не по себе, шестое чувство подсказало, что в комнате покойник. Несколько секунд она стояла не двигаясь, словно замороженная, потом на цыпочках опять приблизилась к кровати, обливаясь холодным потом. Ларичев – мужчина лет шестидесяти, в пижаме, лежал на спине с закрытыми глазами. Женщина взяла его руку и поискала пульс. Пульса не было.

Первой реакцией сестры-хозяйки было убежать, чтобы её не заподозрили в причастности к смерти постояльца, сразу же показавшейся ей неестественной. Но она быстро опомнилась и решила, что шум спозаранку поднимать не стоит и что первым делом надо сообщить о случившемся бухгалтеру Рубцову, который уже с неделю жил в корпусе и был с покойным, кажется, в приятельских отношениях. Про снятую трубку Зуева совершенно забыла. Она вышла в коридор и спустилась на первый этаж к комнате Рубцова, расположенной как раз под номером Ларичева. Остановилась перед дверью и приложила ухо к замочной скважине. В комнате стояла давящая тишина. Она постучалась, но ответа не получила. Её охватил испуг: «Все подряд, что ли, мрут в одночасье?!» Страх сковал её движения, но она всё же приоткрыла дверь,

тихонько протиснулась в щель и, к своему удивлению, обнаружила Рубцова на ногах, одетым и выбритым.

– Я стучала... Извините...

Рубцов смотрел на неё молча, словно ничего не понимая.

– Вроде как бы помер господин Ларичев, – выдавила наконец сестра-хозяйка, но Рубцов, казалось, по-прежнему её не слышал. – Ларичев умер, говорю, – повторила Зуева громче, и её снова охватило неприятное чувство, как в морге.

– Да, да... конечно... сейчас пойдём, – глухо произнёс наконец Рубцов.

– Надо бы милицию вызвать, – подсказала сестра-хозяйка.

– Да... нужно вызвать милицию, – машинально повторил тот.

– Сказывали, что у Ларичева было больное сердце, – напомнила Зуева, чтобы разорвать тягостное молчание. Сестра-хозяйка много чего знала о постояльцах.

– Да, было больное сердце, – повторил Рубцов, как робот.

Они вышли в коридор и спустились в холл. Увидев на столе телефонную трубку, Зуева вспомнила про ранний звонок.

– Алло! – закричала она в трубку, но из аппарата доносились только прерывистые гудки.

Трясущимся пальцем она набрала номер милиции и, сбивчиво объяснив, в чём дело, получила указание ни к чему не притрагиваться в комнате покойного. Зуева хотела было сказать, что не прикоснулась бы и за деньги, но сдержалась. Едва она повесила трубку, как телефон зазвонил. Это был другой голос, на этот раз слышимый ещё хуже. Не иначе как звонили из другого подмосковного посёлка. Опять спрашивали Ларичева.

– Вы знаете... он не может... с ним... случилась неприятность, а кто спрашивает?

– А что случилось?

– Он... умер... от сердечного приступа... а кто спрашивает?

Ответа не последовало. Трубку на другом конце тут же повесили. Зуева постояла несколько секунд, оторопело глядя на телефон. Потом повернулась к Рубцову:

– Батюшки-светы, что делать-то, – запричитала она неестественно громким голосом. – У нас ещё никто не умирал. Только этого не хватало. Слава Господу, обходились без покойников до сих пор.

Рубцов вздрогнул, словно очнулся.

– Да, да... конечно же... надо что-то предпринять. Но что?

* * *

Буров заметил, что Лера старается излагать всё с точностью до деталей. Он прервал её.

– Откуда вам известны эти подробности?

– Мне рассказала сестра-хозяйка.

– Вы полностью верите её словам?

– И да и нет.

– Больше да или больше нет?

– Уверена, что Зуева здесь ни при чём. Не врёт. Просто всё не помнит.

Буров задумался.

– Мы скверно начинаем, скверно. Вам не следовало мне ничего рассказывать. Нужно было посмотреть и послушать всё по порядку, с самого начала, пользуясь только данными, содержащимися в деле, только материалами расследования. Не следует забегать вперёд.

И он нажал кнопку диктофона.

Запись показаний сестры-хозяйки

– Ваше имя, отчество, фамилия?

- Зуева Маргарита Тихоновна.
- Место работы и жительства?
- Сестра-хозяйка оздоровительного комплекса «Опушка», здесь и живу в основном, хотя в Москве есть двухкомнатная квартира. Дальше я знаю все вопросы.
- Что, уже были под следствием?
- Что вы! Упаси бог! Из книжек. Люблю детективы – вон их сколько сейчас продают. Все прилавки завалены.
- Вам нравится детективная литература?
- Очень. А что? Не розовые же романы читать в моём-то возрасте!
- А где вы раньше работали?
- В школе-интернате Министерства внешней торговли, здесь же, неподалёку, кастиляншей.
- Когда Ларичев прибыл в пансионат?
- В пятницу утром. Поездом в одиннадцать тридцать. Я дала ему лучшую комнату, мне звонили насчёт. Людей у нас тут пока негусто.
- В котором часу вы обнаружили труп?
- Сегодня утром, около шести.
- При каких обстоятельствах?
- Пошла его будить...
- Он просил об этом?
- Нет... Его позвали к телефону.
- Кто?
- Не назвались. Думаю, кто-то из Подмосковья.
- Почему вы так думаете?
- Связь плохая, треск сплошной стоял, с Москвой лучше... в общем, мне так показалось...
- Тоже детективные романы?
- Да при чём тут это...
- Это был мужчина или женщина?
- ???
- Разве не вы сняли трубку?
- Я-то я, но плохо было слышно... расстояние... знаете ли... я ж сказала, плохая связь... или неблагоприятные атмосферные условия.
- Дальше...
- Потом я пошла его будить. Постучала. Никто не ответил. Нажала на ручку – дверь открылась.
- Он часто приезжал сюда?
- Частенько. К нам ведь не только отдыхать приезжают. Многие работают здесь, залетают на пару-тройку дней – доклады, рефераты, отчёты, сами знаете.
- Ну и?..
- Значит, нажала я ручку, обёрнутую марлей...
- Почему марлей?
- Да так... знаете... дурная привычка...
- Что? Так принято в «Опушке»? Или здесь была эпидемия?
- Да нет же, не было никакой эпидемии. Просто одно из чудачеств Игоря Матвейча.
- Поясните.
- Он боялся микробов...
- Вы полагаете, эта боязнь у него проявлялась только в поездках или же была и дома?
- Дома тоже.

- Откуда вы знаете? Приходилось бывать у него?
- Нет. Никогда. Но он мне как-то излагал свою теорию насчёт микробов. Он и ключи держал в полиэтиленовом пакете.
- И ручку всегда оборачивал марлей?
- Да. Привозил с собой стакан, ложки, вилки – всё.
- Почему он, по-вашему, так поступал?
- Думаю, болел, ипохондрия, так, что ли, называется... Хотя поговаривали и что он боится смерти. То есть не только микробов, но и убийц. Но это, конечно, чушь собачья. Говорили также, что у него много врагов. Говорили, Игорь Матвеич был въедливый, дотошный ревизор. Требовательный и знавший все их хитрости. Вот те, у кого он обнаружил недостачу, и... Понимаете... Суд... Тюрьма... На казённые харчи кому охота, попросту выражаясь.
- То есть ходили слухи, что он боялся, как бы его не убили в отместку за разоблачение махинаций?
- Да... так говорили... я же думаю, что он был просто мнительным.
- Почему вы решили, что он мёртв?
- Обычно он спал чутко. Просыпался при малейшем шуме.
- Откуда вы это знаете?
- Я вам уже говорила, что он частенько навещался к нам, всегда один, не как другие, и не раз просил меня его будить по утрам. Обычно он сразу же просыпался.
- Итак, вам показалось, что он мёртв. Что же вы сделали?
- Положила руку ему на лоб. Лоб был холодный.
- В комнате вам что-нибудь бросилось в глаза?
- Нет, ничего... То есть... не знаю... Игорь Матвеич был очень аккуратным, как «сама цифра» – это я где-то читала.
- Оставьте литературу. Он знал кого-нибудь из отдыхающих?
- Всех. Здесь чужих не бывает, все из одной конторы. Ларичев был на фирме одним из самых старых и уважаемых работников. Ещё со времён Главка. Его все знали, хотя и пошучивали насчёт... микробов.
- Рассказывайте по порядку. Увидев, что он мёртв, что вы сделали?
- Перво-наперво я сообщила об этом господину Рубцову.
- Почему именно ему?
- Они были друзьями. Давними друзьями.
- Кем работает Рубцов?
- Павел Сергеич? Бухгалтером. Уже двадцать лет. С перерывом в год.
- Почему с перерывом?
- Как вам сказать... Эта история... в общем, бумаги оказались не в порядке... год пришлось ему отсидеть. Потом вроде бы установили, что произошла ошибка или что-то в этом духе. Кто-то подстроил так, чтобы виновным выглядел Рубцов. Через год его взяли опять в министерство, но уже простым бухгалтером... Вы же знаете... пятна даже бензином не всегда оттираются... Может, ты и не виноват, но раз уже тебе такое к делу подкололи... не вылижешь, как говорил один мой знакомец...
- Итак, первым вы известили Рубцова. Вы отправились к нему в комнату и разбудили его?
- Нет, я его не будила. Я постучалась, ответа не было, мне показалось это странным, и я вошла. Он был одет, уже на ногах, посреди комнаты.
- Собирался уйти?
- Вроде того. И казался рассеянным. Я же вам сказала – даже стука моего не услышал. Смотрел на меня и, похоже было, не видел.
- Как он воспринял весть о смерти друга?
- Разволновался, стал озабоченным.

- Разволновался, услышав известие?
 - Нет. Я таким его уже застала.
 - Почему вам так показалось?
 - Всё, что я говорила, он повторял, как эхо. Это его состояние меня крайне озадачило.
- В общем-то он симпатичный человек, хотя тоже немного чудной.
- Вы не спросили его, не болен ли он?
 - Нет, не спрашивала. Он сам сказал, что всю ночь не мог уснуть из-за головной боли, точнее, мигрени.
 - Что вы ещё заметили необычного в поведении Рубцова?
 - Что заметила? Да ничего... Только что он повторяет, как попугай, мои слова... Но...
 - Вы что-то хотите добавить?
 - Его поведение показалось мне странным. В комнате пахло дымом, в этой комнате есть камин, там дымилось.
 - Огонь, что ли, горел?
 - Нет. Дни стояли тёплые, так что разводить огонь не было нужды.
 - Но вы же говорите, дымилось?
 - Да... Мне не хотелось бы... Понимаете... Пахло горелой бумагой...
 - Что вы сделали после того, как сообщили Рубцову о смерти ревизора?
 - Позвонила в милицию. Потому что считала своим долгом...
 - Вы сказали, что кто-то спрашивал Ларичева по телефону?
 - Да, но между делом я об этом забыла. Когда же пошла звонить в милицию, то увидела снятую трубку и вспомнила. Но там трубку уже повесили.
 - Потом снова кто-то звонил?
 - Да, звонили опять как бы из Подмосковья. Когда я сказала, что Ларичев умер, трубку тут же повесили, так и не назвавшись.
 - Вы повторили, что из Подмосковья. Откуда вы это знаете?
 - Слышимость плохая, такая с Москвой не бывает.
 - Вы спросили, кто это, но вам не ответили?
 - В общем-то я даже не успела толком спросить, едва я сказала, что Ларичев умер, раздался щелчок. Коротко и ясно.
 - Вам показалось, что разговор резко оборвали?
 - Точно не могу сказать... То есть... вот именно... резко оборвали... Припоминаю... потому что я стала кричать «алло»...
 - Но связь не возобновилась?
 - Нет.
 - Вы можете сказать, кто ещё живет сейчас в корпусе? В частности, кто находился здесь с пятницы?
 - В пятницу здесь были господин Рубцов, он приехал ещё в понедельник. К обеду прибыли Ларичев и Вера Прохина, она работает в финотделе. К вечеру подъехал господин Жаркович, замдиректора фирмы, с женой.
 - Когда прибыла Прохина?
 - В одиннадцать тридцать. Одним поездом с Ларичевым. Но она оставила чемодан в комнате и тут же скрылась.
 - Куда?
 - Бог её знает. Мало ли здесь рядом дач. Она вечно колобродит и всё никак не прибудет к месту назначения. Как кошки, когда их ночью жара одолеет...
 - В сторону неуместные шутки... Эта дама сейчас разве не здесь?
 - Нет, ещё не возвращалась. Объявила, что отправляется на экскурсию и вернётся сегодня к обеду.

- Кто ещё живет в пансионате?
- Во дворе, в пристройке, живет уборщица, пожилая женщина, Ефросинья Петровна.
- Ларичев проверял когда-нибудь ваше хозяйство?
- Да, дважды. Один раз даже обнаружил недостачу, в тысячу рублей. Простыней не хватало. У меня удержали из зарплаты. Хотя пусть меня разразит гром, если я...
- Когда вы в последний раз видели Ларичева?
- Вчера вечером, за ужином.
- А Рубцова?
- Тоже вчера вечером. Он спустился вниз вместе с Игорем Матвейчем, вместе и ужинали.
- Спасибо за информацию. Просьба не покидать корпус. Вы ещё можете понадобиться.
- С превеликим удовольствием. Долг – он для всех долг.

* * *

Буров выключил диктофон. Дело «Опушка» начало, как в фильме, раскручиваться перед ним. Фильм был не очень захватывающим, а может, всё портил вид нагромождённых железак во дворе. Он взглянул на девушку и почувствовал, что та вся погрузилась в события, стоившие жизни её отцу.

– Что ж... вот мы и на месте преступления, товарищ «специалист», – попытался пошутить Буров, но понял, что некстати, и закашлялся. – То есть... я хотел сказать... – Присутствие девушки его немного сковывало. Он предпочёл бы сейчас говорить совсем о другом, хохмить, проверять свои мужские чары. – Прошу вас снова, насколько возможно, забудьте, что у вас есть личные мотивы, и постарайтесь быть абсолютно беспристрастной. Иначе мы не сможем работать вместе. – И добавил с усмешкой: – Помните, что субъективизм опасен.

– Я постараюсь, – кротко, но с ехидцей ответила Лера.

– Тогда я ставлю первые вопросы. А вы попробуйте выступать как адвокат. Нас интересуют прежде всего сведения о душевном состоянии Ларичева. Сестра-хозяйка утверждает, что Ларичев боялся.

– Он был ипохондриком.

– Да, его привычки подкрепляют это предположение. Столовые приборы из дома, свой стакан, марля на дверной ручке... Всё это, однако, не исключает второй гипотезы: он боялся заразы или покушения на свою жизнь?

– Я считаю, что Ларичев был просто ипохондриком, и всё.

– Чем подтвердите? Что у вас есть? Я имею в виду, из тех данных, которыми мы располагаем сейчас.

– Кое-что есть, – утвердительно кивнула Лера. – Как вы, видимо, заметили, Зуева утверждает, что Ларичев спал с незапертой дверью.

– Ну и о чём это нам говорит? – Буров сделал вид, что не понимает справедливого замечания девушки.

– Ну как же? – воодушевилась она. – Это привычка всех людей, которые боятся, как бы с ними чего-нибудь не случилось во сне. Тяжелобольные, особенно сердечники, не запирают дверей, потому что боятся приступа.

Буров оценил про себя доводы и наблюдательность напарницы, но продолжал ровным голосом:

– Кто мог звонить Ларичеву в половине шестого утра? И зачем его искал неизвестный в такое время? Может быть, чтобы проверить, жив ли он ещё или нет? Значит, этот неизвестный что-то знал?

Буров вытащил несколько отпечатанных на машинке листов из папки и, прежде чем перейти к чтению, бросил:

– Пометьте себе. Проверить, была ли в действительности Вера Прохина на экскурсии и не ехала ли она в одном вагоне с Ларичевым.

Он ещё не закончил фразу, как понял, что этот вопрос преждевременен, его лучше было приберечь до окончания расследования. И он снова нажал кнопку диктофона.

Показания Павла Сергеевича Рубцова

– Когда вы приехали в пансионат, господин Рубцов?

– В понедельник утром, поездом в одиннадцать тридцать. Это самый удобный, попадаешь к обеду.

– Вы приехали сюда по служебным делам?

– Нет, провести свой законный отпуск.

– Вы были в приятельских отношениях с Игорем Матвеевичем Ларичевым?

– Да.

– И давно вы его знаете?

– Много лет. Вместе учились в Плехановке. Потом работали в одном министерстве, в Главке, теперь на фирме.

– Вы работали в министерстве с самого начала вашей карьеры, без перерыва?

– Нет, перерыв был... один год. Судебная волокита... люди злы, а закон суров, одним словом.

– Продолжайте.

– Когда... когда я вышел, все меня сторонились, хотя дело оказалось ошибкой... так что трудно было устроиться вновь на работу. Вы знаете, даже если ты не виноват... всё равно клеймо на лбу... никто тебе не верит.

– А вы сами верите в то, что говорите?..

Тут Лера прервала запись:

– Он был раздавлен этим подозрением, никто и ничто не могло его заставить снова обрести веру в себя... и в людей. Ни мама, ни я. Жил как сыч. Даже мне не верил, когда я говорила, что убеждена в его невиновности.

Буров дал ей закончить и снова включил диктофон.

– А вы сами верите в то, что говорите?

– Жизнь меня многому научила, но не будем это обсуждать сейчас. Смерть Ларичева меня глубоко потрясла, это был для меня настоящий удар, клянусь вам...

– У меня нет оснований вам не верить. Скажите, что вы думаете об этой смерти?

– Игорь, то есть господин Ларичев, всегда был натурой болезненной, ещё со времен студенчества.

– Чем он болел?

– Сердце. Насколько мне известно, аритмия и ещё повышенное давление. И страхи. Приступы паники. Он считал, что в любую минуту может умереть.

– И что же? Лечился как-нибудь?

– Он обычно принимал сразу кучу лекарств.

– Может быть, вы знаете, какие именно?

– От сердца – гекардин. В ампулах, иногда сам делал себе уколы.

– И вчера вечером делал?

– Это мне не известно.

– А другие лекарства у него были?

– Были, конечно, масса таблеток... Он часто что-то принимал от предполагаемой болезни или недомогания. А когда слышал о какой-нибудь эпидемии, то просто места себе не находил. И начинал лечиться, хотя данной болезнью не болел.

– В субботу, когда Ларичев приехал в пансионат, вы разговаривали с ним?

– Да, конечно... Я вам уже говорил – он был моим добрым приятелем. Не побоюсь сказать – другом. Взял меня обратно в министерство под свою ответственность. Я год просидел без работы. Ему я обязан всем.

– Вы не знаете, зачем он приехал в пансионат в эту пятницу? Он вам не сказал?

– Не-ет... Вроде бы отдохнуть... я так думаю...

– А что? Он проводил в последнее время какую-нибудь трудную ревизию?

– Не знаю.

– Документы какие-нибудь он привёз с собой?

– Откуда мне знать. У него было сколько привычек, столько и чудачеств. Я говорю это не затем, чтобы бросить на него тень. Он был единственным человеком, который помог мне в трудную минуту. Без его ручательства... А можно вас спросить? Я вижу, вы расследуете причину смерти Ларичева, как если бы...

– Как если бы речь шла об убийстве? Наш долг – проверить все версии.

– Я вам ещё нужен?

– Пока нет. Но если вы что-либо ещё вспомните...

– Мне нечего вспоминать. Всё, что знал, я изложил.

– Ну, может, какую-нибудь подробность, которая была бы полезна для следствия. Покамест мы ждём, что покажет вскрытие.

– То есть результатов вскрытия у вас нет, а вы всё же расследуете это как убийство...

– Когда человек умирает при подобных обстоятельствах, мы обязаны с самого начала принять все необходимые меры предосторожности. Бывают улики, которые можно обнаружить только сразу. Потом они исчезают.

– А почему речь непременно должна идти об убийстве?

– Умер человек. Вы это понимаете?

– А зачем его обязательно кому-то убивать? Это означает подозрение на всех оставшихся в живых?

– Мы выполняем свой долг по отношению как к живым, так и к мёртвым, и между прочим, не только из желания найти виновных, но и ради того, чтобы доказать невиновность остальных. Скажите лучше, что вам известно об отношениях в семье Ларичева?

– Дома у них я бывал редко, но могу сказать, что между ними всё ладилось, разве только...

– Разве только?

– Всего лишь личное мнение. Они не ссорились с женой, не говорили друг другу резких слов, но мне показалось, что в последнее время между ними произошло охлаждение.

– И почему, как вы полагаете?

– Может быть, из-за Кирилла. Кирилла Ларичева – их сына.

– Да, мы пытались известить его о смерти отца, но не нашли. Вы знали, что он тоже отправился отдохнуть в эти края?

– Как я мог об этом узнать?

– А что за человек Кирилл?

– Что за человек?! Я бы лично не хотел иметь такого сына.

– Почему? Какой-нибудь шалопай?

– Я сожалею, что так отозвался о нём. Нет, не шалопай. Даже наоборот, работает на таможне, хлебное место, а вот родителями совсем не интересуется. Только и всего.

– С Верой Прохиной вы знакомы?

- Да... Вера работает в финотделе.
- Она появилась в пансионате одновременно с Ларичевым. Не вместе ли они ехали, не знаете?
- Я даже не знал, что Прохина находится здесь. Нет, Игорь мне ничего не говорил.
- Что вы ещё знаете о Вере Прохиной?
- Ничего. Знаю её только в лицо.
- Приходилось ли вам с ней работать?
- Всего пару раз. В финотделе она находится в распоряжении Ларичева.
- Может быть, Ларичев привез её... для работы?
- Не знаю. Не думаю...
- Спасибо, извините, что пришлось столько вас держать.

* * *

В просторном кабинете Бурова повисла напряжённая тишина. Показания Рубцова явно витали в воздухе, выдавая его желание как-то оправдаться, объясниться. От внимания Бурова не ускользнул также тот факт, что следователь, ведший допрос, пытался установить связь между приездом Ларичева на отдых и ревизией, которую тот якобы заканчивал на фирме. Это наблюдение подкреплялось и вопросами, касавшимися приезда Прохиной. Их одновременный с Ларичевым приезд. Что это? Простое совпадение? Маловероятно.

– Вы знаете, мне нравится следователь, нравятся его личные интонации, – сказал он как бы между прочим.

– А мне не нравятся, хотя, может, он действительно умелый следователь, но... – Лера замялась, – давайте лучше посмотрим, что там дальше.

– Есть вопросы, – изрёк Буров, вставая из-за стола и не очень элегантно потягиваясь. – Почему Рубцов так настойчиво повторяет, что был другом Ларичева? Зачем он так старается вбить это в голову следователю? И почему хочет себя защитить?

– Потому что был уже однажды несправедливо обвинён.

– Мы договорились без субъективизма! Откуда Рубцову известно, что следствие выявит неестественность смерти Ларичева, и почему он пытается прикрыться дружбой с ним? Выходит, он что-то знает?!

Они помолчали. Буров попытался представить себе, как выглядел Рубцов. Поджарый, высокий, постоянно опасаящийся, что его в чём-то заподозрят или обвинят. Недоверчивый к окружающим, потому что, как он считал, они не верят ему. Капитан заметил также, что, когда вопросы следователя, казалось, задевали Рубцова, он тут же уходил в себя и выставлял наружу шипы, ершился. Но следователя совершенно нельзя было обвинить в отсутствии такта. Наоборот, его поведение ясно свидетельствовало о том, что он всё время имел в виду душевное состояние Рубцова и действовал достаточно деликатно и доброжелательно.

Лера вытащила блокнот и записала:

1. Для чего Ларичев приехал в пансионат?
2. Действительно ли он опасался за свою жизнь?
3. Кто искал Ларичева по телефону?
4. Почему Рубцов так настойчиво хочет себя выгородить?
5. Что мог знать Рубцов в связи со смертью Ларичева, и почему он боится, что его могут в чем-то обвинить?
6. Зачем приехала в пансионат Вера Прохина?
7. Приехала ли она вместе с Ларичевым, или они прибыли порознь?

Буров посмотрел запись, кивнул и, не глядя на Леру, бросил:

– Пишите, вопрос восьмой: «Что жёг Рубцов в камине спозаранку?» Так или иначе, а показания сестры-хозяйки приходится учитывать, – и резким движением достал из папки очередной документ.

Заключение судебно-медицинской экспертизы

Мною, Б.Л. Германом, врачом судебно-медицинской экспертизы районного управления милиции г. Одинцово, на основании постановления областной прокуратуры № 73 от ... июня 20.. года в морге г. Звенигород произведено вскрытие тела умершего гражданина И.М. Ларичева, в результате чего установлено следующее:

Обстоятельства смерти

По данным следственных органов, Игорь Матвеевич Ларичев, 59 лет, профессия – финансовый ревизор, адрес: Москва, ул. Очаковская, 112, кв. 4, был найден мёртвым в своей комнате в пансионате «Опушка» ... июня 20.. года, около 6 часов утра. Согласно тем же источникам, гражданин И.М. Ларичев страдал коронарной недостаточностью, сердечной аритмией и в последний период жизни проходил курс лечения гекардином.

Предполагаемые следы насилия

На внутренней стороне левого предплечья имеются два продолговатых синяка, расположенные вверх по вертикали, размером до 3 см каждый, имеют слегка изогнутую форму и выпуклой стороной направлены к внешнему краю предплечья. Предположительно, такие синяки могут быть оставлены ногтями третьего лица, которое пыталось резко повернуть пострадавшего при жизни или сразу после смерти. Показания лаборатории скажут точнее.

Следы лечения

На внутренней стороне обоих бёдер обнаружены многочисленные следы от уколов, покрытые коркой запёкшейся крови буроватого цвета.

Анатомо-патологический анализ

- Следы от уколов на бёдрах;
- Синяки на левом предплечье;
- Посинение лица и ногтей;
- Прекращение деятельности мозга;
- Склеро-эмфизема лёгких;
- Кардиосклероз;
- Остановка сердца.

Заключение лаборатории

1. Смерть гражданина И.М. Ларичева наступила в результате сердечно-коронарной недостаточности на фоне давнего заболевания сердца и лёгких (аритмия, кардиосклероз, склеро-эмфизема лёгких). Кризис и смерть были вызваны употреблением гекардина в недопустимом сочетании с ксенородоном, препаратом для борьбы с морфиевой зависимостью.

2. Следы на левом предплечье могли явиться следствием сильного сжатия рукой.

– Ксенородон! То есть он принял или его заставили принять запрещённое, негодное лекарство! С его-то сердцем, – чересчур радостно воскликнул Буров. – Выходит, он и морфием баловался. Это лекарство для морфиевой блокады.

Лера запротестовала:

– Почему вы считаете, что его заставили?

– Вроде так показало вскрытие.

– Неужели непременно силой человеку надо вводить какой-то препарат? Разве не мог он сам это сделать, вполне сознательно, или произойти просто несчастный случай, какая-то ошибка?

Буров взглянул на девушку озадаченно. И в самом деле, почему следует заранее предполагать, что смерть Ларичева была насильственной. Вот только синяки на руке...

– Я... поторопился, извините... – признал он. – Покамест оставим только вопрос: сам он принял опасный препарат, чтобы покончить с собой, или же речь идёт о трагической оплошности? Но остаются следы на левом предплечье. Ещё один вопрос. Интересно было бы выяснить, соответствуют ли эти следы руке кому-нибудь из подозреваемых.

– Ну как же мы смеем сейчас кого-то подозревать? Ведь ещё ничего не установлено.

– Но эти следы кому-то всё же принадлежат?

– Разумеется, но почему именно этого «кого-то» нужно обвинять в убийстве?

– Согласен. Знаете, Лера, уже поздно. Для первого дня мы нарыли больше чем достаточно. У меня ведь ещё и другие дела висят. Предлагаю прерваться и начать завтра на свежую голову. Идёт?

– Как угодно. Вы старший.

– Тогда приказываю: по домам, – с улыбкой закончил Буров, сожалея, что не может вот так сразу пригласить малознакомую, но симпатичную девушку куда-нибудь выпить чего-нибудь, потому что уже договорился о встрече с Варей. А с Варей пора было бы закругляться, так как их отношения не прогрессируют, она ждёт предложения, а Буров телится – куда спешить, если сердце ничего не подсказывает, и вообще, зависимость надоела, ещё не женат, а уже что-то должен. А как хорошо бы было закрутить сейчас роман с Лерой, такой трепетной и беззащитной...

* * *

Они вышли на улицу. В конце ноября быстро темнеет и к вечеру воздух становится позимнему промозглым. Но, несмотря на сумерки и холод, улицы были полны народу. Как всегда, москвичи куда-то спешили: кто на метро, кто в магазин, кто в театр... а кто с Ваганьковского кладбища домой. Пресня была для Бунова новым районом, и он пока ещё не чувствовал его «душу». Он считал, что у каждого района в Москве есть своя душа, и Пресня ему нравилась. Огорчало лишь соседство ультрасовременного Международного торгового центра и модных ресторанов вперемежку с затрапезными кирпичными домами и допотопной трамвайной линией. Напротив районного следственного отдела раньше времени пылал неон Дома паркетов. «Куда столько паркета для Москвы? – каждый раз думал он, глядя на огромное палаточное здание магазина. – Деньги, что ли, отмывают?»

Искося взглянув на спутницу, Буров дал себе слово сейчас не вспоминать о деле «Опушка». Лера говорила, что живёт где-то недалеко от Никитских Ворот. Он взялся проводить её, но по дороге они обменялись всего двумя-тремя фразами. Уверенность в себе и игривость, необходимые мужчине для успешного ухаживания, всё никак не приходили.

У дома Леры Буров предложил:

– Завтра я заберу машину из ремонта... Вы не против, если утром я заскочу за вами по пути на работу, часов эдак в восемь?

– Ну что ж... заскакивайте.

Буров хотел сказать ещё что-то, но Лера уже спешила по направлению к дому, стуча каблуками по дорожке из модной импортной плитки. Его вдруг охватило такое чувство, будто он в чём-то провинился перед этой прямой, легко ранимой, закрытой, но в то же время такой разум-

ной и целеустремлённой девушкой. «Странное существо», – произнёс он про себя и неожиданно подумал, что был бы рад доказать невиновность Рубцова и увидеть счастливую улыбку на суровом лице «стажёрки». Но это казалось ему маловероятным. Сколько было случаев, когда преступник, припёртый к стенке неопровержимыми доказательствами, не видел иного выхода, кроме самоубийства.

Утром, около восьми, Буров уже ждал Леру в машине перед домом девушки, рассеянно слушая энную серию отечественной танцевальной музыки под красноречивым названием «Двигай попой». Он был в штатском, и если бы не очки, то чувствовал бы себя совсем раскованно. Ровно в восемь Лера вышла из дому, села к нему в машину, и под шуршание колёс по асфальту капитан вспомнил скомканный вчерашний вечер.

– Вы имеете что-нибудь против чашечки кофе, для начала?

– Что ж, давайте, для начала!.. – усмехнулась девушка. – От кофе лучше думается. – Краем глаз она наблюдала за капитаном, тайно любясь его бравым штатским видом. Буров же нервничал при мысли, что, наверно, выглядит ухажёром или ещё хуже – женихом. К чему было стричься, напяливать этот облегающий костюм. И парфюма надо было поменьше лить, дышать нечем в машине.

Кофе им удалось попить в популярной среди московской богемы «Кофемании» на Кудринской площади.

– Ну и как, есть новые мысли о нашем деле? – начала первой Лера.

– В общем-то есть, но предлагаю поговорить об этом в кабинете, – ответил он, помедлив. И не солгал. Подробности дела теперь прочно сидели в его голове и сверлили мозги. Он обратил внимание на то, что, хотя расследование было далеко не закончено, он зачем-то настроил себя не в пользу Рубцова и под этим углом смотрел на все данные, относящиеся к делу. С одной стороны, этот Рубцов с самого начала навлекал на себя подозрения, с другой стороны, Буров чувствовал, что над его мнением довлеют конечные результаты расследования.

В девять часов они вновь уже склонились над диктофоном. Следующим по порядку шёл допрос уборщицы.

Показания Ефросиньи Левшиной

– Товарищ майор, что ж это делается, прямо страсти господни! Не иначе! Чтоб такое случилось у нас! Впервой здесь помирает человек! У соседей, министерство металлургии, старичок преставился, было дело, печенью страдал, а у нас впервой! Вы сами подумайте – срам-то какой! Что до меня, так в комнату эту нога моя больше не ступит ни за что на свете! Ни подметать, ни воду менять. Пусть сестра-хозяйка метёт, если ей охота! Пусть там хоть всё пылью запорошит, а только в комнату, где помер господин Ларичев, не войду! Ладно бы я его не знала... А то ведь... Пусть хоть расчёт дают, а не войду! Пятнадцать лет в этом доме, и вот те на! А господин Ларичев так и маячит перед глазами, успокой его душу грешную, Господи. Милый был дядечка, боязливый, это верно, но душа-человек. А уж аккуратист! Муха у него в окно не залетит! В дрожь его бросало при одной мысли об них. Мухи, говаривал, садятся на всяческую грязь и таскают на лапах своих микробов! Мильон на каждой! Будто у них заботы другой нет, у мух-то! Прости господи! А так человек он был почтительный, приличный... Уж ежели тебе час пробил, так никакой аспирин, никакая химия – ничего не спасёт! Отвечай «готов!» и собирайся на тот свет...

– Не перебей её следователь, Ефросинья Левшина до сих пор, наверно, тараторила бы, – заметил Буров, приостановив запись.

– Вы давно знаете Ларичева?

- Как не знать. Ещё со времён министерства, с той поры и знаю его...
- А точнее?
- Вспомнить бы. Погоди маленько... В 1985 году дело было...
- С того времени вы и работаете на вилле?
- С того самого времени.
- Про историю с простынями знаете?
- Какими ещё простынями? Ах, этими! Господи помилуй, сколько хлопот на нашу голову свалилось с этими тряпками. Игорь Матвеевич тогда ещё контроль у нас проводил...
- Когда?
- Уже три года как. В тысячу целковых встали простынки-то. А кто в них нужду имел, и по сей день неведомо. Сестра-хозяйка, стало быть, уплатила, грешная...
- Ну и как? Держала зло сестра-хозяйка на Ларичева?
- А чего ей зло держать? Хотя бог её знает. Говорила, не держит. И верно, ещё пуще сдружилась с ревизором. Сиживали на крыльце вместе, чай гоняли, толковали...
- Ларичев часто приезжал к вам?
- А куда ж ему приезжать, как не к нам, горе ты моё? Мадам Ксения, супруга покойного, говорила как-то, что нигде такой чистоты да тишины, кроме как у нас, не найти. Даже в самой разлучшей гостинице. Что ни лето, господин Ларичев до нас приезжал и только здесь проводил свой отпуск. А то, бывало, в субботу или воскресенье нагрянет, поработать, значит, потому как трудолюбивый был человек, не то что другие – с виду для работы придут, а сами шатаются по лесу целый день без толку или с девками в бассейне куролесят, срамота, а господин Ларичев в комнате запирался, к столу только и выходил.
- И в этот раз он приехал работать?
- Именно.
- Не показалось ли вам необычным его поведение или вид?
- Да нет. Такой, как и всегда, явился. Вот только пишущую машинку не прихватил. Раньше, бывало, по субботам всегда привозил. Я его как увижу, сама себе и говорю: «Горе ты моё! Не иначе своё тук-тук-тук опять заведёт». Некоторые жаловались. Мол, приехали для отдыха, а такая музыка им и на службе осточертела. Их слова. Отдых, говорят, есть отдых.
- И как он вам показался без машинки?
- А чего казаться? «Игорь Матвеевич, – говорю, – а что, стукать сегодня не будете?» «Нет, – отвечает, – есть другие дела». И приуныл.
- Почему вы думаете, приуныл?
- А потому как сразу видать, ежели человек приуныл.
- Он спросил вас, кто ещё живет в доме?
- Нет, не спрашивал, не как другие, едва успеют чемоданы поставить, а уж расспросы ведут, кто приехал да с кем приехал, с женой ли, а может, ещё с кем... Спросил только, в какой комнате помещается господин Рубцов, и пулей к нему.
- Как? Даже к себе не зашёл?
- Дружки они были. Зашёл он, значит, к нему, побыли там, после вышли и в комнату к господину Ларичеву удалились, где и сидели, покуда я их к обеду не покликкала.
- Сколько времени они побыли в комнате Рубцова?
- Эдак с полчаса.
- Вы заметили что-нибудь необычное?
- Когда это?
- Когда они вышли из комнаты Рубцова?
- Нет, ничегошеньки...
- Они не показались вам рассерженными, поссорившимися?
- Нет, а чего им сердиться? Дружки ведь были, никогда не ссорились.

– Вспомните получше, Ефросинья Петровна, это очень важно. Скажите точно, как они выглядели, когда выходили от Рубцова?

– Вышли они, значит, и как есть в комнату к господину Ларичеву направились. Он ещё, бедолага, портфель под мышкой держал, чёрный такой, и бумаги все наружу, без бумаг-то он ни часу не мог обойтись.

– То есть как бумаги наружу?

– Да вот так... портфель нараспашку – бумаги торчат. Почитай лет десять он с этим самым портфелем всё ходил. Уж я-то его знаю как облупленного.

– Что ещё было в портфеле?

– А почём мне знать? Пижама, ложки-вилки свои, стакан... То да сё... После еды давал мне их кипятком ополоснуть, а в остальном человек он был приличный...

– Что они делали в комнате Ларичева?

– Господи помилуй, вы что же это, никак в голову взяли, что я под дверями подсматриваю? Я, которая...

– И всё же, может быть, вы что-то заметили, когда открыли дверь, чтобы позвать их на обед?

– А я и не открывала, кто сказал, что я открывала? Кликнула через дверь: пожалуйста к столу! И ушла.

– А после этого вы их видели?

– Как пообедали они, так опять к господину Ларичеву в комнату удалились. Только к ужину и вышли. А тогда-то вот, да, кажись, и вправду сердитые оба были или расстроенные чем. К еде не притронулись. Повар ещё мяса нажарил с подливой, а ещё запеканку рисовую подавали. Любил её раньше господин Ларичев, а в тот вечер даже не притронулся.

– После ужина они продолжали совещаться?

– Ну да, опять у господина Ларичева в комнате.

– И как долго сидели?

– Точно не припомню, во сколько вышли, вроде и не выходили вовсе – так всю ночь и просидели. Я к себе ушла, домишко-то мой во дворе.

– А утром что вы делали?

– А чего мне делать, грехи мои тяжкие! То, что всю свою жизнь делала, – в пять встала курам корм задать, а после за хлебом да молоком в ларёк подалась, там в шесть открывают. А когда уходила, свет-то ещё горел у Ларичева, а господин Рубцов у окна стоял. Возвернулась – и на тебе! – доктора, милиция и господин Ларичев – покойник.

– Постойте-ка. Вы сказали, что видели утром гражданина Рубцова в комнате у Ларичева?

– Мои слова. Так оно и было. Видела его, как вас вижу. Окно этой комнаты прямо на тропку выходит, по которой я на улицу следую.

– Попытайтесь хорошенько вспомнить. Как вы всё видели, что они делали?

– Чего делали, говорите? Так вот: господин Рубцов стоял посередь комнаты, руки протягивал, как в театре, вот так! И стоял как столб.

– А Ларичев?

– Этот ничего не делал, потому как я его не видела. Не видно его было в окно-то. Может, на стуле сидел, а может, лежал. А вот господина Рубцова видела...

– А когда приехала Вера Прохина, вы видели?

– Как не видеть её, кралю? Я ж ей чемодан ещё подсобила в комнату занести. Только быстро она умчалась. С экскурсией, – отдыхать, это у них так называется. По молодому делу.

– Спасибо вам. Возможно, придётся вас ещё побеспокоить.

– Что ж мы, не люди? Должны помочь друг дружке, как добрые христьяне...

* * *

Этим показания уборщицы исчерпывались, и Бурову прямо загорелось попристутствовать при допросе, понаблюдать за реакцией этой женщины, за непосредственностью, с которой та отвечала. В показаниях Левшиной содержались некоторые новые детали. Прежде всего, свидетельство о том, что ранним утром, между пятью и шестью, Рубцов находился в комнате у Ларичева. А поскольку, как показало вскрытие, смерть наступила между 24 и 3 часами ночи, получалось, что в то время, когда Рубцов находился у Ларичева, тот был уже мёртв. Лера напряжённо следила за ходом мыслей допрашивающего следователя, понимая, что кольцо всё больше сужается вокруг её отца. Ей стоило большого труда продолжить как ни в чём не бывало:

– Итак, вопрос первый: какое такое дело было у Ларичева к Рубцову? Второй: почему Рубцов скрыл, что утром навещался к Ларичеву? Третий: был ли Ларичев уже мёртв в это время? Если верить заключению врача, то был.

Буров внимательно посмотрел на напарницу. В нём всё больше крепло чувство более чем глубокой симпатии к этой девушке, которая столько времени бьётся со всеми вокруг, пытаясь отстоять невиновность своего покойного отчима. Как не оценить её искреннее стремление быть объективной, беспристрастной. Ей, видимо, стоило немалых усилий казаться спокойной, выслушивая вопросы, фатальные для Рубцова. Буров сразу уловил новую ниточку, которую нащупывал следователь, – ту, что была связана с прежней ревизией, проводившейся Ларичевым в подведомственном пансионате. Чувствовалось, правда, что вопросы на эту тему следователь задавал больше по долгу службы. Наверно, хотел с самого начала прояснить и отместить эту версию – не убивают же человека за то, что пару лет назад он обнаружил недостачу на смехотворную сумму в тысячу рублей, простынки какие-то. А вот с ревизией на фирме «Донатор» пока ещё ничего не было ясно.

– Ну что, товарищ начальник, есть ещё вопросы? – ироничный голос девушки слегка оживился.

– Нет, товарищ помощник, – в тон ей ответил Буров. – Вот вам следующая запись, слушайте...

Допрос Ларисы Жаркович

– Умоляю вас, ради бога, не впутывайте нас в эту историю. Мы с мужем ничего не знаем, никак не связаны ни с кем из этих людей, абсолютно ни с кем. Нас не интересует чужая жизнь, а преступления приводят в ужас. В конце концов, мы приехали на своей машине, чтобы отдыхать, бродить по лесу, а не тратить своё свободное время попусту из-за того, что кто-то умер.

– Во-первых, впутывать вас никто не собирается, если вы сами не впутались...

– Да бросьте, знаю я милицию! Если бы всё чисто было, то вы бы и расследование не проводили. А раз начали, значит, есть подозрения, что тут пахнет убийством. Мы совершенно к этому непричастны. Ни муж, ни я!

– У нас никаких и нет подозрений на ваш счёт. Мы хотим лишь точно выяснить обстоятельства, при которых умер гражданин Ларичев Игорь Матвеевич.

– Вот и я говорю, не впутывайте нас. Мы его близко даже не знали. «Здрате-здрате» обменивались. Не больше. Он всё время был с Рубцовым. Можете к нему и обращаться. Мой муж хоть и замдиректора фирмы, но тесных отношений не имел ни с одним из этих... стариков. По кабакам не шляется, по бабам тоже. Ещё меньше по друзьям-приятелям. Нет у нас нужды в таких приятелях. Чего там объяснять, храни Господь... сами знаете...

– Прошу вас прекратить разговаривать в таком тоне, я вас не для дискуссии пригласил, а намерен задать вам несколько вопросов.

– Но мы...

- Говорить вам придётся сейчас только за себя. Ваш муж пока ожидает в холле.
 - Но мы с мужем...
 - Ваше имя?
 - Лариса Жаркович.
 - Год рождения?
 - Это не важно... Мне 36.
 - Место работы?
 - Домохозяйка.
 - Сколько раз вы видели Ларичева с момента вашего приезда сюда?
 - Вообще не видела.
 - Не забывайте – за ложные показания вы несёте ответственность перед законом.
 - То есть... видела его за обедом. И за ужином. Нас кормят всех за одним столом, поэтому и видела. Как и всех других. Может быть, мне вовсе не нравится сидеть за одним столом с малознакомыми. А теперь вот что получается... допытывают как последнюю...
 - Вы видели, как Рубцов входил к комнате к Ларичеву?
 - Нет.
 - А утром вы его, случайно, не встретили?
 - Нет.
 - Где вы познакомились с Ларичевым? Здесь, в пансионате?
 - Не помню.
 - Когда вы видели Ларичева в последний раз?
 - Не помню.
 - Вы могли бы ответить – «за ужином».
 - Нет! Я не желаю ничего отвечать! Я ни при чём! Задавайте вопросы Рубцову, он с ним имел дела! Или сестре-хозяйке, потому что все знают про эту историю с простынями. Или эту из финотдела допрашивайте, а не меня.
 - А почему её?
 - Потому что не будь она связана с этим Ларичевым, то ей, по идее, в пансионате нечего было бы делать в эту пору.
 - Прошу вас хорошенько продумать своё отношение к следствию, а для этого пройдите в холл и посидите там, поостыньте, соберитесь с мыслями. И когда вам покажется, что вы в состоянии отвечать спокойно, тогда, пожалуйста, и приходите.
- Следователь вышел из себя, – отметил вслух Буров. – И немудрено. Пойдите-ка, сейчас опишу вам эту дамочку. Значит, так: волосы крашенные, под седину, накладные ресницы, на губах мокрая помада, лет сорок, а не тридцать шесть, начинает расплываться, голос истерический. Подходит?
- Но Лера, казалось, не слушала его. Буров быстро перебрал в памяти всё сказанное Ларисой Жаркович. Ничего полезного для дела. И смотри-ка ты, всего по нескольким фразам можно составить представление о человеке. Чем больше он о ней задумывался, тем больше проникался неприязнью следователя к этой даме.
- Вам не бросилась в глаза одна деталь? – прервала его размышления девушка. – Что следователь концентрирует вопросы вокруг моего отца?
 - Вполне возможно, хотя я в этом и не убеждён.
 - А я считаю, что с его стороны это предвзятость.
 - Не вижу почему.
 - Разве у нас есть основания именно Рубцова ставить под знак вопроса? – пылко произнесла девушка.
 - Такое же, как и в отношении любого другого.

- А может быть, в отношении моего отца чуточку побольше? – съязвила Лера.
 - Следователю не запретишь прислушиваться к своей интуиции.
 - Даже когда эта интуиция мешает ему быть объективным?
 - Пока что его не в чем упрекнуть.
 - Да, но разве не ясно, что все вопросы у него имеют одну конкретную цель, одну идею.
 - У нас нет некоторых данных, которые имел в распоряжении следователь: описание комнаты, позиция мёртвого, окружающие предметы. Всё это может о многом рассказать. Перед нами же ребус с ограниченным числом подробностей...
 - Следователь сразу повёл дело так, как если бы речь наверняка шла об убийстве.
 - Здесь вы не правы. – Буров взял под защиту своего коллегу. – Объяснения Рубцова на этот счёт весьма неудовлетворительны. Сама обстановка, как и поведение вашего отчима, возможно, наталкивали следователя на определённые домыслы. Вот вы побывали тогда на вилле?
 - Да... меня срочно вызвали туда... Допрашивали...
 - Вы могли бы её описать?
 - Да... в общем-то... Двухэтажный особняк, от развилки возле станции – направо, в конец посёлка, где домов становится меньше, ближе к лесу. Окружён железной оградой и садом. Если смотреть с фасада – в нём два этажа, а с тыльной стороны – три, потому что дом стоит на пригорке. На первом этаже – большой холл, куда выходят двери четырёх комнат, длинный коридор с подсобными помещениями. Из холла на верхний этаж ведёт лестница резного орехового дерева – там остальные шесть комнат. В подвальном помещении – столовая, она же трапезная, спортзал и так называемая водолечебница, точнее, баня-сауна с бассейном. Оба здания смотрят окнами в лес. Во дворе – домик, где обитает уборщица, там же хранится бельё, посуда, бытовая химия, хозтовары... Вот, собственно, и всё...
 - Каково расположение комнаты Ларичева по отношению к комнате Рубцова?
 - Мой отец снимал комнату как раз под комнатой Ларичева. Обе комнаты выходят окнами в сад, ведущий к реке. Прямо у дома растут три большие ели... но не вижу связи... Никаких выстрелов не было, чтобы можно было проследить траекторию полёта пули, никто не влезал в окно, на стволах елей ничего подозрительного не обнаружено...
 - Давайте-ка взглянем на снимки с места происшествия. – Буров вытащил несколько фотографий: общий вид комнаты, труп Ларичева на кровати, Ларичев крупным планом, детали комнаты – окно, подоконник, стол, стулья, шкаф. Всюду идеальный порядок. Ничто не привлекало к себе особого внимания. Что же такое увидел здесь следователь, заставившее его пойти за нитью, которая вела к Рубцову?
 - Может быть, последующие вопросы покажут, что именно обратило на себя внимание следователя? – сказала Лера, когда Буров поделился с ней своим недоумением. – И потом, я бы попила чаю...
 - Будет сделано, – откликнулся капитан, втыкая в розетку вилку корейского чайника-нагревателя с кипячёной водой и не переставая говорить: – Всё равно наша информация останется однобокой... Но вот следователя мне так и не в чем упрекнуть... Не вижу... Да, скажите-ка, а супругов Жаркович вы знаете?
 - Да. Я встречалась с ними тогда...
 - Как они выглядели?
 - Как вам сказать... Она – внешне с вашим описанием совсем не совпадает – жгучая, яркая брюнетка, миловидная, полная жизни, но характер – точно такой, какой она показала в беседе со следователем... Муж – мужчина лет сорока, высокий, плотный, почти атлет, добродушное, овальное лицо, вечная улыбка на губах, адресованная не встречным... а, как бы это сказать, самому себе, понимаете?
- Бурова рассмешило это замечание.

– Да, да, – настаивала та. – Его добродушная и довольная улыбка адресована лично его персоне...

В этот момент щёлкнул нагреватель, и Буров, доливая заварочный чайник, уже включал диктофон.

Допрос Аркадия Жарковича

– Что вы сделали с моей женой, товарищ майор? Похоже, она немного перенервничала, да? Хо-хо! Вышла от вас – просто комок нервов. Ха-ха! Ужасно не любит, когда её впутывают в подобные истории. В книжках – другое дело. Детективные романы обожает! Держит в изголовье целую пачку. Надеюсь, её поведение не было... как бы это сказать... В целом это порядочная женщина... если абстрагироваться от её пагубной страсти к автомобилеводению... И чего их всех автомобили с ума сводят, понятия не имею. Может, из любви и уважения к современной технике, хо-хо!

– Всё это к следствию отношения не имеет, господин Жаркович. Это ваши личные дела. Мы же вас вызвали, как вы догадываетесь, совсем для другого.

– Да-да... конечно... о чём речь...

– Разрешите задать вам несколько вопросов?

– Я в вашем распоряжении, хотя известно нам очень немного...

– Кому это «нам»?

– Нам... с женой...

– Так вы и за неё отвечаете?

– То есть... нет... я за себя... Хорошенькое дело, ничего не скажешь! Вы меня поймали, хотя я сам юрист по образованию! Ха-ха! Конечно же, я говорю только от своего имени. Естественно, и Рубцов, и Ларичев мне знакомы, но не более.

– Почему вы упомянули о Рубцове?

– Так я думал, это он вас интересуется.

– По-вашему, он должен как-то особо нас интересоваться?

– Но он ведь уже имел дело с вашей конторой... то есть следственными органами...

– Выразитесь яснее, пожалуйста.

– Пожалуйста! В подобных случаях рецидивист для вас – просто находка!

– У вас есть конкретные обвинения против Рубцова со времени его выхода из тюрьмы?

– Нет... этого я не могу сказать, но тому, кто ошибся однажды, не трудно опять сбиться с пути.

– Подобные воззрения опасны, когда на карту поставлена свобода или жизнь человека.

– Да, но...

– Прощу вас отвечать только на вопросы, которые задаю я. Когда вы в последний раз видели Ларичева?

– За ужином.

– Он пришёл один?

– Нет, с Рубцовым.

– После этого вы его видели ещё?

– Нет, они с Ларичевым заперлись в комнате и работали.

– Вы сказали «работали»?

– Да, именно.

– Над чем работали?

– Не знаю. Спросите лучше у Рубцова.

– Тогда почему же вы утверждаете, что они работали? А может, разгадывали кроссворды, играли в карты, в шахматы, в кости или просто разговаривали?..

– Признаюсь, я не точно выразился. Как юрист, я понимаю, что значит точность в выражениях, извините. Но я не могу вообразить себе, чтобы играть в шахматы можно было десять часов кряду.

– И над чем же они работали, по-вашему?

– Думаю, над чем-то, связанным с ревизией, проводимой в нашей фирме. Может, Ларищев приехал посоветоваться с Рубцовым по каким-нибудь трудным вопросам.

– Вы юрист, говорите?

– Да, юрист.

– В таком случае прошу вас быть как можно объективнее и отвечать предельно точно.

– Постараюсь.

– Когда началась ревизия?

– Несколько дней назад.

– До ухода Рубцова в отпуск?

– А?! Вот почему вы спрашиваете... Ну, через два дня после ухода. Значит, вы всё-таки Рубцовым интересуетесь? Я же вам сказал, что этот на всё способен. Замкнутый тип. А его отсидка...

– Как выяснилось, это была судебная ошибка.

– Ошибка! Хо-хо! Дыма без огня не бывает!

– Он свободный гражданин, с такими же правами...

– Ничего себе! Бывший заключённый имеет равные права со мной! Ха-ха! Со мной – человеком, который никогда никаких дел с... органами не имел и вообще знает о суде понаслышке.

– А я вам повторяю, что вы не вправе подменять правосудие страны своим собственным и превращать отбытое наказание в пожизненное.

– Не знаю, во что я его превращаю, но только Рубцов не может иметь одинаковые права со мной, честным, незапятнанным гражданином! Я вправе рассчитывать на большее доверие, большее...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.